

МИХАИЛ ЕЛИЗАРОВ

КОМПЛЕКТ ИЗ 2 КНИГ

Михаил Юрьевич Елизаров

Юдоль. Библиотекарь.

Комплект из 2 книг

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74189421

Аннотация

Творчество Михаила Елизарова отличается глубокой философской рефлексией и уникальным стилистическим почерком. Его романы и сборники сочетают мистицизм, психологизм и внимательное осмысление советской и постсоветской действительности, благодаря чему представляют собой не просто художественные тексты, а многослойные интеллектуальные повествования.

В этот сборник вошли две книги автора:

– роман «Юдоль» – символический реквием, проникнутый атмосферой коллективной памяти и отражающий исторические травмы через повседневные бытовые детали, что придает произведению мощную метафорическую глубину;

– роман «Библиотекарь», отмеченный премией «Русский Букер», исследует советскую повседневность через призму мифологии и текстовых механизмов, создавая уникальный художественный мир.

Творчество Михаила Елизарова задает новые ориентиры в развитии современной литературы, расширяя жанровые границы и демонстрируя то, как личная и коллективная память взаимодействуют с историей и культурой.

Михаил Елизаров – прозаик, музыкант, автор романов “Земля” (премия “Национальный бестселлер”), “Pasternak” и “Мультики”, а также сборников “Ногти” (шорт-лист премии Андрея Белого), “Мы вышли покурить на 17 лет” (приз читательского голосования премии “НОС”), “Бураттини”, “Скорлупы. Кубики”.

Содержание

Юдоль	6
I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Михаил Елизаров
Юдоль. Библиотекарь
Комплект из 2-х книг

© Елизаров М.Ю.

© ООО «Издательство АСТ»

Юдоль

Из земной юдоли в неведомые боли.
Егор Летов

Бога действительно нет, но так и задумано!
Прохоров-Валерьяныч

*И вновь шоль... Полуденная вялость,
Привёз курьер китайскую лапшу...
Написан «Вертер» и закончен «Фауст»,
А я «Юдоль» никак не допишу.*

I

Сразу после выхода на пенсию Андрей Тимофеевич Сапогов решил продать душу Сатане. А до того сорок лет про-
сиживал штаны в окраинном собесе. Старик – обычный сче-
товод. Высок ростом, худощав, в середине туловища над-
лом, словно бы обронил ценную вещицу и теперь дальнорор-
ко выискивает: куда упала? Волосы даже не седые, а блед-
но-лимонные, точно крашенные или вылинявшие на степном
солнце. Нос острый, на щеках впалая желтизна, глаза выпук-
ло-василькового цвета.

Сапогов с малых лет сирота. Родителей не помнит. Вме-
сто них две зыбких тени за спиной да запах горелых спичек.
Возможно, Андрей Тимофеевич родился в каком-то скорб-
ном северном посёлке. В полуснах видится счетоводу поко-
сившаяся изба, сарай без двери, угрюмый чёрный лес, озё-
ра с маслянистой водой. И будто тихий голос нащёптывает
шизофреническую сказку, где всё перевёрнуто и разорвано,
осквернены бессмыслицей сюжет, герои, время и мораль, ах,
милая, я бы послушал такую сказку...

Вырастила Сапогова тётка Зинаида, скупая и набож-
ная. Сызмальства опостытели Андрею Тимофеевичу лжи-
вая елейность, распятия да иконы, ежевечерние причитания
над кроватью: «Почему ж ты, Андрюша, маленьким не по-
мер?!» Он поэтому и в комсомол не хотел вступать – от на-

звания молодёжной организации разило «богомольщиной». И, видимо, неспроста после техникума Сапогов избрал для работы собес – за скрытую «бесовщину», костяной цокот счёт; точно весёлые скелеты отбивают чечётку на могильных плитах!..

Счёты у Сапогова старинные. Рама из благородной древесины, прутья медные, костяшки на звонких латунных втулках. Ещё крохой Андрей Тимофеевич обнаружил счёты в пропахшем ладаном тёткином шкафу. Трогал, гремел, катался по комнате, как безногий инвалид в тележке. И кто б мог подумать, что пригодится антиквариат во взрослой жизни.

С такими удивительными счётами всякое вычисление – колдовской обряд! При этом никаких чудес Андрей Тимофеевич за годы не нащёлкал, даже нормальной пенсии. Впрочем!.. Сослуживицу его Алевтину Захаровну (ту, что покупала в «Кулинарии» говяжий фарш, похожий на клубок дождевых червей) под треск сапоговских костяшек хватил удар. И ещё был случай: Андрей Тимофеевич, чертыхаясь, сводил дебет с кредитом, и посреди жаркого июля вдруг посыпал за окном мелкий колючий снежок.

Жил Сапогов тихо, аскетично. Сперва мужал, потом старел. Не уверен, случались ли у него мимолётные романчики с какой-нибудь машинисткой или бухгалтершей. Счетовод, пожалуй, остался девственником. Но Сапогов вовсе не бессильный евнух, лишённый желания или страсти. Просто

Андрей Тимофеевич знает толк в красоте и не разменивается по мелочам. Ему, к примеру, нравятся актрисы итальянского кинематографа, дивы с дублированными голосами, а не бесформенно-гротескное бабье из собеса, которое переозвучил скотный двор – козы да свиньи. Ведь и я такой же, милая, никогда не искал компромиссы, лишь бы кто-то был, доступное туловище рядом, нет уж, лучше вообще ничего, тотальное одиночество, если красота далеко или не по зубам.

В конце семидесятых устроилась в собес на работу практикантка Лизанька: хорошенькая, с русой косой, кошачьими глазками. Нашего счетовода и бледно-лимонные его седины намеренно не замечала, а потом выскочила замуж за местного начальника с фамилией Лысак. Ну, не комедия?! Только вслушайся: Лизанька Лысак!

Неумолимый прогресс пытался принудить Сапогова перейти со счёта на арифмометр «Феликс», но Андрей Тимофеевич проявил махровый консерватизм. Или же оказался туговат к новизне, не освоил прибор. Для окружающих Сапогов делал вид, что заводит шарманку «Феликса», а работал по старинке. Даже когда воцарились калькуляторы, Андрей Тимофеевич остался верен счётам.

Но арифмометр всё ж помог ему. Сапогов пережил мистический, точнее сказать, религиозный опыт, когда в счётчике оборотов определилось нечто шестизначное, адресованное исключительно Сапогову. Интимное и тайное «число Зверя» – телефонный номер Нечистого. За спиной счетовода,

где стояли вековые шкафы с бухгалтерией, замаячили призрачные родительские тени и пахло горелой спичкой. Далее случилось удивительное: подул за окном странный ветер, облака понеслись по небу с невероятной быстротой – о, нездешний призрачный ветер, как тогда, милая, в Крыму, помнишь, мы спустились в бухту, солнце ещё нещадно жгло, пахло нагретыми камнями, солью и водорослями, и морской демон, как утопленник, улыбался нам из-под воды.

Сапогов тайно звонил по селекторному телефону из кабинета начальства. На всех выделенных линиях завывала электрическая пустота, но Андрей Тимофеевич ощущал, что Инфернальное ждёт его. Номер Сапогов записал, а потом в житейской суете позабыл о Сатане...

Шли годы, сменялись портреты генеральных секретарей. Всё чаще сыпались на Сапогова язвительные замечания, что он, точно замшелая продавщица сельпо, излишне шумно клацает костяшками. Электрические «Ятрани» машинисток стрекотали легионами цикад, но жаловались исключительно на Сапогова и его счёты. Андрей Тимофеевич то отмалчивался, то оправдывался.

Однажды стараниями Лысака в отделе умолкли печатные машинки и появился воркующий ЭВМ с флуоресцентной вязью монитора. Сотрудников, которых компьютер мог заменить, постановили уволить. Сапогов сразу попал под сокращение, тем более что и пенсионный возраст подоспел.

Но лучше б начальству не спраживать на покой счёто-

вода, перетерпеть костяной шум. Ибо Андрей Тимофеевич без работы окончательно озлобился. Старик одинок – ни жены, ни детей, полунищее прозябание ему омерзительно. Всё, что имеется у него, – комнатёнка в коммуналке, доставшаяся от покойной тётки. Разгневанным своим естеством Сапогов жаждет поклониться Сатане и сполна отплатить социуму за издевательства и унижения.

Он причащается Тьмы в майский вечер, когда из соседской квартиры доносится музыка какого-то зарубежного фильма. Старик прилипает большим бледным ухом к стене, впитывая тревожные хоралы на вульгарной латыни: «Sanguis bibimus! Corpus edibus! Tolle Corpus Satani!...» – и непривычный гундосый дубляж, как из преисподней.

Подозреваю, Андрей Тимофеевич подслушал увертюру к «Омену».

Сапогов включает телевизор, ищет фильм на двух доступных ему государственных каналах – и не находит! Как будто у соседа транслируется особое параллельное Останкино. О существовании видеоманитофонов технически отсталый Андрей Тимофеевич не догадывается. В волнении он жжёт спички и жадно впитывает ухом звуковую активность. Неожиданно старик понимает, что стена-то внешняя и никаких соседей за ней в помине нет! Не так всё просто, милая...

Сапогов, потрясённый, спускается во двор. Малышня в песочнице обступила рыжий трупик хомяка. Какие взрослые у них лица! Не пресловутые цветы жизни, а особая раса го-

родских пигмеев. Цветы смерти они, утомлённые собственным возрастом!

Из разговора ясно: зверька уронили с балкона. Девочка с огромными синими бантами клянётся, что хомяк ещё какое-то время был жив и перед смертью прошептал по-немецки: «Будьте вы все прокляты!»

«Seid ihr alle verdammt!» – повторяет Сапогов вслед за хомяком-мучеником. В комнату он возвращается с новыми планами на жизнь – посвятить себя Сатане и чёрной магии.

Счетовод полон энтузиазма, вот только необходимых знаний нет и взяться им неоткуда. Магические пособия в советских библиотеках, как известно, не выдаются, в книжных их тоже не купить. Разве в букинистических подвальчиках можно отыскать пожелтевшие хрупкие брошюры с гороскопами, сердечными приворотами и остудами – хлам прошлого.

Что-то под запах горелых спичек нашёптывают родительские тени, чему-то учат бредовые сны.

Сапогов для начала изготавливает гримуар. Берёт, что подвернулось под руку, – засаленный поварской том. Густо закрашивает обложку чёрным. От одного этого действия книга в понимании Сапогова делается злой. Отныне все рецепты в ней – заклинания для изготовления зелий, омерзительных на вкус и смертельных для здоровья.

Счетовод с ходу изобретает суп «Издых». По аналогии с производством святой воды Сапогов, читая самодельные берсовские молитвы, звездообразно наливает преображённую

сатанинскую воду в кастрюльку. Терзает овощи, представляя, как они вопят и корчатся от боли под пыточным ножом. Для пущей достоверности Андрей Тимофеевич плачет воображаемым голосом картошки, просит о пощаде от лица в общем-то равнодушной к четвертованию моркови. К поваренному спектаклю вместо говядины Сапогов свежует мышью с перебитым мышеловкой хребтом; но в сути всё строго по рецепту.

Порченный суп Сапогов подносит соседке по коммуналке – Иде Иосифовне Грачевской. Старая гнида до пенсии преподавала математику в старших классах (у вашего покорного слуги в том числе). Училка сапоговской стряпнёй брезгует. Находчивый Андрей Тимофеевич тотчас меняет тактику, дескать, не угощает, а умоляет снять пробу: пусть настоящая хозяйка подскажет, как улучшить дилетантскую бурду. На это Ида Иосифовна соглашается, смачно бракует суп в самых грубых выражениях, недостойных пожилой еврейской матроны. Сосед-алкоголик Семён суп на мыши одобряет и выхлёбывает полную тарелку.

С Идой Иосифовной понятно – давно себе смертный приговор подписала. Все обиды и оскорбления сосчитаны. Семёну тоже не следовало огорчать Андрея Тимофеевича, пожил бы ещё. Разве Сапогов зажимал Семёна в коридоре, выбивая угрозами трояк на опохмел? Всё наоборот, поэтому и расплата.

Для сослуживиц из собеса Сапогов выпекает пирог

«Квач» на жабах. Твари изловлены в ближайшей канаве, уморены голодом, а после перетёрты в порошок, который и подмешан в тесто. Предполагается, у вражин в желудках заведутся гады и земноводные.

В собесе Сапогова подстерегает неудача – никто не желает косой, приплюснутый, пованивающий болотцем пирог. Андрей Тимофеевич пытается манипулировать, пускает крокодилью слезу, но тётки не поддаются; одна только бухгалтерша Василиса Белякова куснула да украдкой выплюнула. Сапогов перед уходом тайно крошит выпечкой по углам, а где получается, и в дамские сумочки. Остаток пирога скормливает случайным дворовым выпивохам.

Сапогов подбирает на улице дохлых птиц, ощипывает и мастерит из перьев мерзкие аппликации, нашёптывая на них (по сути, звукозаписывая) рифмованные заклинания: «Чтоб тебя разорвало по законам Буало!» При этом о триединой драматургии спектакля эпохи классицизма он и не слышал!

Сапогов сразу же испытывает проклятие на грубиянке-продавщице из продуктового магазина – бормочет про Буало и подбрасывает веночек из воробьиных пушинок.

Колдовское чутьё у Андрея Тимофеевича недюжинное. Не зная о вуду и энвольтировании, счетовод лепит из теста фигурки. Сдобные копии недругов (разумеется, с добавлением вражьего биологического материала) Сапогов ехидно именует «ванечками» – по аналогии с пряничками.

Во времена моей юности для изготовления вольтов использовали пластилин или хлебный мякиш. В ходу бывали и корешки, особенно если напоминали формой человечка. А «снеговичками» или «снегурочками» назывались зимние болваны, с отсроченным, до тепла, проклятием; весной они таяли, и жертва, по идее, тоже таяла, чахла.

Экспериментального «ванечку» (с измельчённой пергидрольной волосиной Лизаньки Лысак) Андрей Тимофеевич отдаёт на съедение уличной безумице. Эта не первой молодости дама дни напролёт кружит по району со спелёнатым в кокон одеялом и заявляет каждому встречному, что жена эстрадного исполнителя Вячеслава Малежика, а в «пелёнках» его ребёнок, хотя там просто целлулоидный пупс. Те немногие, кто удостоился лицезрения «потомства» Малежика, говорят, что пластиковое дитя без одной ножки.

Помню эту безобидную дурочку, милая; летом в вызывающем сарафане, зимой в каком-то нищем пальтеце...

Сапогов с ходу втирается в доверие, говорит, что «ванечка» – гостинец от супруга. Для пущей убедительности даже напевает строчку знаменитой песни: «А у лили-лилипутика ручки меньше лютика!»

Безумица суёт пряник пупсу, слизывая только сахарную пудру; но тут важно не количество съеденного, а сам факт употребления. Таким изощрённым способом Сапогов «инфицирует» предательницу Лизаньку психическим расстройством.

Собственно, на этом построена *magia contagiosus*, действующая по принципу липучей заразы. Вещица, которая находилась неделю в кармане у ракового хрыча, уже несёт в себе смертельные флюиды. Потом достаточно просто подвесить её на дверную ручку – кто дотронется, тот и заболеет...

Второго «ванечку» со слюной Лысака Сапогов хоронит в могиле трагически погибшей женщины; по слухам, неизвестный всю ночь полосовал её опасной бритвой. Счетовод через вольты как бы «скармливает» свою жертву этой ужасной смерти. Андрей Тимофеевич вообще уверен, что смерть не универсальная, одна на всех, фигура с косой, а безликое множество погибелей: от гриппа, под трамваем, с перепоею. Несть смертям числа, как мухам.

С кондитерской порчей Сапогов снова наведывается в собес. Шоколадные «трюфели» пользуются бóльшим спросом, чем самодельный пирог, и Андрей Тимофеевич в предвкушении потирает веснушчатые руки. Малолетнему соседскому выродку Дениске, который позволил себе когда-то посмеяться над поскользнувшимся в гололёд Сапоговым, злопаметный Андрей Тимофеевич подкидывает заряженную отборным диабетом конфету «Мишка на Севере».

А чего стоит «Коктейль Сапогова»! Счетовод сознательно злится по любому поводу, в транспорте ли толкнули, яичница подгорела, доводит себя буквально до иступления, фигурально выражаясь, до белого каления (Сапогов говорит «до белого колена», как и покойная тётка; мне, кстати, тоже все-

гда слышалось «колено», я его и представлял пятном неведомой проказы), а потом достаёт, к примеру, поллитровку из-под водки и умственно сцеживает туда свою эмоцию, плотно затыкает, как бы консервируя. Он не пропускает похороны, где плачут и скорбят. Всё это «закупоривает» в банки и бутылки. Такого арсенала с эмоциональной консервацией у него уже много, и парочку «гранат» он всегда таскает с собой. Однажды мимо Сапогова проехал неповоротливый грузовик – обдал из лужи грязью, а шофёр высунулся и обругал Андрея Тимофеевича. Сапогов бесстрашно выхватил «коктейль», швырнул в борт машины с криком: «Сгори в огне моего гнева!» – подбил врага, и тот, должно быть, запылал голубым адовым пламенем!..

Сколько же я в своё время заготовил подобной консервации! Чего там только не было: ярость, боль, ревность, всепоглощающий ужас, отчаяние... Бабка моя Зинаида так закатывала помидоры, огурцы и патиссоны на зиму. Я, словно партизан, укрывался в засаде на железнодорожной насыпи среди гравия и буйных лопухов, забрасывал пролетающие поезда, товарные и пассажирские, связками этих «гранат», готов был подорвать всех и вся, забросать ненавистью весь мир, чтоб он истлел, выгорел, корчась в самых разнообразных муках, – Божий мир, белый свет. А сколько бутылок и банок ждут своего часа на антресолях, крепчают, как дорогое вино!..

Однако, надо признать, хитроумные рецепты и проклятия

у Сапогова не срабатывают – враги не гибнут, бабы из собеса не квакают, не разваливаются от диабета. Сапогов подозревает, что невозможно магически сразить кого-то, используя лишь свои личные силы. Самая великолепная гоночная машина не помчит по дороге без бензина. Сапогову тоже нужно топливо, которое вдохнёт энергию в моторы его колдовской самодеятельности. Вот если бы ему прилепиться, так сказать, к тёмному эгрегору (пусть бывший счетовод и не знает заумного слова, но суть-то он прекрасно чувствует), то даже не личная помощь гипотетического Князя Мира, а колдовской опыт поколений накачали бы реальной силой его проклятия и заклинания.

Брошюры из подвалов (Сапогов кое-что всё ж приобрёл) изобилуют ятями и нечёткими рисунками. Это пяти-шести-восьмиконечные звёзды и прочие демонические сигилы; их назначение и применение объясняется крайне невнятно.

Сапогов самолично решает, что пятиконечная звезда больше любезна Сатане. Украденной в церкви свечкой Андрей Тимофеевич коптит на растрескавшейся штукатурке размашистые пентакли. Ежевечерне святотатствует перед иконой Саваофа.

Оторванный от ведьмаческой традиции, которая незатейливо выворачивает наизнанку казённые христианские молитвы (вместо «Отче наш» – «Ечто Шан» или «Нима Огавакул»), Сапогов сочиняет переделку «Отче Ваш!»: «Отче Ваш! Только ваш! А не мой! Мой другой! Ваш на небеси!

Мой под Земли!...» – в модернистском бунтарском ключе.

Сапогов вспоминает и про старую бумажку с телефоном, но на другом конце провода неизменно гудки; Сатана трубку не берёт. Может, сменил номер. Или же для соединения требуется особый магический аппарат, а не уличный таксофон.

Телеграмму Сатане тоже не отстучать. Что-то вроде: «Настоящим прошу принять себе уважением Сапогов». Но можно в одностороннем порядке заключить деловое соглашение! Пожелтевшие брошюры наставляют, что договор с Нечистым подписывают собственной кровью.

В один из вечеров Сапогов, охая больше от волнения, чем от боли, прокалывает подушечку указательного пальца цыганской иглой. Надо сказать, швейных принадлежностей Сапогов с детства остерегается. Тётка Зинаида (хороша святоша) нарочно запугивала, что юркая иголка, словно живая, вонзится в тело, проскользнёт по вене до самого сердца, – маленький Андрюша верил и боялся. Нынче повзрослел счетовод и даже состарился, тётка в земле сгнила, а страх оказался живуч...

Андрей Тимофеевич богохульствует, палец кровит и ноет. Словно наивный мальчик-подмастерье Ванька Жуков, счетовод выписывает: «Дорогой Сатана, давай дружить! Согласен на любые условия! Твой Сапогов».

Осталось лишь придумать, каким образом доставить послание в когтистые лапищи Тьмы. Сапогов неглуп и понимает, что отправка в сути ритуал, магическая метафора. Бу-

мажку Андрей Тимофеевич сжигает в пламени свечи, помогая несвежим старческим дыханием почтовому дыму развеяться.

Старик день за днём ждёт хоть какого-то знака. Затем с неудовольствием признаёт, что как дурак спалил письмо и надо заново дырять палец. На непроданной душе тревожно – вдруг коварная игла ненароком всё ж нырнёт под кожу, поплывёт с кровотоком до сердца...

Сапогов решает, что повторное обращение проще отрядить с нарочным на тот свет и лучшего варианта, чем похороны, не придумать. Андрей Тимофеевич совмещает приятное с полезным: подкладывает конвертик в гроб и разжигается кладбищенскими артефактами – землёй, могильным букетиком, поминальной конфетой и гвоздём.

Следующую неделю счетовод прислушивается к Вселенной – и никаких сигналов! Единожды где-то отзывается нервной сиреной далёкая скорая помощь. Если это ответ Сатаны, то предельно невнятный.

Очередную записку Андрей Тимофеевич относит в полночь к оврагу, где, по слухам, закопаны расстрелянные гитлеровцы. Вдруг вражеские мертвецы выручат и доставят просьбу счетовода к порогу Сатаны. Сапогов кладёт бумажную четвертушку, ветер тотчас сдувает её и уносит в темноту. Где-то оптимистично каркает ворона. Старик надеется, что это никакой не ветер, а невидимый фриц-вестовой ретиво помчался исполнять сапоговское поручение.

И снова экзистенциальная тишина. Только сосед Семён беседует с диктором Кирилловым из программы «Время» да Ида Иосифовна визгливо материт алкашей и детей, топчущих под балконом её коматозные гладиолусы.

Четвёртое письмо Сапогов прячет в дупле раскидистого клёна. На нём три дня провисел в петле шизоидный первокурсник, разочаровавшийся в своём неказистом туловище. Андрей Тимофеевич полагает, что после самоубийства в дереве могло случайно завестись потустороннее. Сапогов наутро с трепетом наведалься к дуплу; раскисшая бумажка так и лежит.

Кстати, когда студента вынимали из петли, у него уже не было правой кисти. Некто до приезда милиции и бригады труповозов успел разжиться бесценным препаратом, именуемым в колдовском мире «рука Славы», которая универсальный ключ ко всем дверям. Как давно всё это было, милая: лесопарк, всклокоченный клён. А рука Славы (по иронии судьбы, именно так и звали висельника – Аникеев Слава, депрессивный мой одноклассник) не мумифицировалась, а сгнила, пришлось выбросить...

Напоследок Андрей Тимофеевич отправляет в плавание по канализации письмо-кораблик. На борту гордое название – «Люцифер». Вдруг воды подземного Стикса донесут мольбу Сапогова куда следует? Но Сатана отмалчивается или не слышит. Может, ему вовсе не нужен старый счетовод?..

Сапогов по натуре одинокий волк, но понимает, что в

данном случае надо поступиться принципами. Без посторонней помощи до Сатаны не достучаться. Андрей Тимофеевич приглядывается к подъезду обветшалого двухэтажного дома-барака, затерявшегося среди пятиэтажных панелек. Там на скамейке восседают старухи и о чём-то шепчутся. Судя по недоброй мимике, они определённо знают с бесовщиной. Морщинистые личины, кажется, слеплены из несвежих овощей по эскизам Арчимбольдо – если б живописец вдохновился местным магазином «Продукты». У Макаровны щёки и нос – три картофельных нароста в обрамлении платка. Подбородок Гавриловны похож на хрен – узкий и кривой, а кожа шелушится, точно луковица.

Сапогов слышит, как Макаровна басит на ухо Гавриловне: – Я в церкви наворожила, чтоб у попа отрыжка пошла и он службу дочитать не смог!

– П-ф-ф! Это что! – хвалится Гавриловна. – А я сделала, что все увидели у батюшки рога на башке! Вот крику-то было!..

Оглянулись на Сапогова, примолкли. Счетовод для виду ещё чуть потоптался и дальше пошёл, насвистывая.

В другой раз Андрей Тимофеевич замешкался у скамейки будто бы завязать шнурок. Поставил ногу на оградку клумбы и наострил уши.

– Батюшка поднёс крест поцеловать, – рассказывает Гавриловна, – а я дулю скрестила за спиной и вместо Распятого умственно поцеловала Лохматого! – и смеётся мерзко, как

коза.

– Тоже мне!.. – фыркает Макаровна. – Подумаешь!

– Так он же меня поцеловал в ответ!

– Бреешь, Гавриловна! Не целовал тебя Сатана!

– Вот те звезда, не брешу! Будто свиной пяточок приложился к моим губам! Так нежно, так приятно!..

Макаровна и Гавриловна – не истинные их отчества. Клички, которыми Тьма наградила своих прислужниц. А в паспортах они какие-нибудь Сергеевна да Павловна.

Однажды Макаровна садится на скамейку мрачная, с пластырем на бородавчатом носу.

– Всё, Гавриловна, – жалуется. – Я в церковь на Руставели больше не ходок! Баста!

Было вот что. Макаровна в своей безнаказанности так обнаглела, что побежала вместе со всеми прихожанками икону Богородицы целовать – ну, больше обслонявить в надежде, что кому-то станет противно после неё прикладываться. Склонилась, значит, Макаровна, а Божья Матерь как цапнет её за шнобель!

– Чисто бульдожка! Чуть без носа не оставила, дрянь такая! Отгрызть же под корень могла!

– И-и-и, не говори! – сочувственно скулит Гавриловна. – Я теперь всегда из церкви этой выходить буду спиной, боюсь, что мамаша Божья на меня тоже набросится!

Это слышит Сапогов, пока делает вид, что разыскивает потерявшегося кота, бормоча «кис-кис». И только Андрей

Тимофеевич решился подойти к старухам и представиться, как буквально из ниоткуда выскакивает разбитной дедок. Приобнял старых паскуд за плечи, свесился между ними.

Это ведьмак Прохоров (кличка Валерьяныч), юркий, точно хорь. Одет в спортивный костюм. Волосы с пегой проседью, торчат всклокоченные, словно рожки.

Засмеялся дребезжаще:

– Так божьи вертепы менять надо! Пригляделись к вам местные малёванцы! – так Прохоров называет персонажей икон. – Со мной по молодости случай был! Наведывался я в церковь одну за упокой ставить да свечи поминальные тырить. Месяц хожу, второй хожу... Кто-то за плечо трогает. Оборачиваюсь – здрасьте-мордасте! Святые, понимаешь, как были босые, повылазили с образов: Николай Чудотворец, Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Тихон Задонский, Даниил Московский, Пантелеймон Великомученик – вся божья шобла! И как начали меня без предупреждения метелить ногами! Я кричу: «Суки, все на одного! Николай, Серёга, Тихон! Давайте один на один махаться, по-честному!» Да куда там! Били всей толпой! Тихон, подлец, на мошонку пяткой наступил, а Богородица хихикала, ладошкой рот закрывала! Потом дома месяц отлёживался! Тебе смешно, милая? Ну, улыбнись же!..

Прохоров замечает Сапогова:

– А вам чего, гражданин? – и погано скалится. – Невесту себе высматриваете?! У нас вот Гавриловна – девка на вы-

данье!

Старухи хохочут над порозовевшим от смущения Сапоговым. Гавриловна, как псина, высовывает длинный малиновый язык – дразнится. У Макаровны от смеха даже отваливается пластырь.

Андрей Тимофеевич взбешён, однако ж пересиливает гнев ради большой цели.

– Не высматриваю, – максимально сухо отвечает. – А по важному вопросу.

– И какому же? – ехидно спрашивает Прохоров, а старухи в тон ему хихикают.

Сапогов приглаживает ладонью красивые седины:

– Вот хочу продать душу Сатане. Вроде всё правильно делаю, и не получается. Не подскажите, как это лучше осуществить?

Ведьмак фыркает в лицо Сапогову:

– Вы какой-то сумасшедший!

Гавриловна демонстративно отворачивается и, томно обмахиваясь ладонью будто от налетевшей вони, сообщает Макаровне и Прохорову:

– Сон видела намедни хороший! Стадо пляшущих ангелочков с длинными хвостиками, и у каждого на кончике кисточка с розовеньким бантиком. Ну такое умиление, словами не передать!..

– Это что! – ухмыляется Прохоров. – Мне вот недавно приснился Христос со спины. Я хоть и сплю, понимаю, что

надо бы глянуть, есть ли на нём крест. А тут он сам поворачивается: «Вот, смотри, Валерьяныч, есть у меня крест!» – и снова ко мне спиной. Я думаю: дай-ка ещё на всякий случай перекрещу его. И перекрестил. А он вздрогнул, бедный, будто я его палкой по хребту огрел, повернулся и говорит с такой обидой: «А вот этого не прощу!..»

К слову, милая, мне тоже как-то снился Иисус – суперзвезда из одноимённой рок-оперы, убегал от меня без оглядки, будто что-то спёр...

Андрей Тимофеевич понимает, что его хотят побыстрее спровадить, но не собирается сдаваться:

– Я прошение кровью писал и сжигал на чёрной свечке, другое на кладбище носил, третье оставлял на могиле. Четвёртое прятал в дупло дерева, где качался висельник. Даже кораблик с письмом отправлял в канализацию!

– У нас государство Бога и Сатану отрицает, – говорит Прохоров. – Напиши лучше, старичок, жалобу в Верховный Совет! Вдруг помогут!

– А зачем ты, такой глупый, нужен Сатане? – глумится Гавриловна. – Сам подумай, какой прок ему от тебя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.